

УДК 82

**«МЫСЛЬ СЕМЕЙНАЯ» И ЕЕ ИСТОРИЧЕСКИЙ
КОНТЕКСТ В РАССКАЗЕ А.П. ГАЙДАРА «ЧУК И ГЕК»**

© 2024

С.Н. Пяткин

Пяткин Сергей Николаевич, SPIN-код: 5998-1970, ORCID: 0000-0002-8659-7543, доктор филологических наук, профессор Арзамасского филиала Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского (Россия, 607220, Нижегородская обл., г. Арзамас, ул. К. Маркса, 36), nikolas_pyat@mail.ru.

Статья поступила в редакцию: 29.09.2024

Статья принята к публикации: 3.12.2024

В статье исследуются особенности художественной репрезентации магистральной для отечественной словесности «мысли семейной» и ее взаимосвязи с историческим временем в рассказе А.П. Гайдара (1904–1941) «Чук и Гек». Дается критический обзор новейших научных рецепций этого рассказа, в которых семейная тема рассматривается в историческом контексте, чье содержание избирательно задано политическими маркерами, что ведет к восприятию произведения как утопического литературного проекта. Предлагается контекстуальный анализ рассказа «Чук и Гек», где на первом плане оказывается военная тема (события большой и малой истории), с которой связано все творчество Гайдара и которая в ярких и выразительных деталях веско дает о себе знать в содержании текста. Показывается, как сказовая форма повествования Гайдара растворяет в себе элементы сказочного нарратива, не разрушая при этом реалистичной достоверности изображенного в рассказе мира. Утверждается, что в рассказе «Чук и Гек», как и во многих произведениях позднего этапа творчества Гайдара, проникнутых предощущением большой войны, «мысль семейная» неразрывно связана с «мыслью государственной».

Ключевые слова: Гайдар, «Чук и Гек», контекст, война, мысль семейная, мысль государственная, хронотоп.

«В “Анне Карениной” я более всего люблю мысль семейную» [Толстая 1978, с. 502]. Так по прошествии нескольких лет после публикации романа Л.Н. Толстой определит его заглавную идею. Эта фраза – «мысль семейная», – зафиксированная в «Дневниках» жены

писателя, не только определит содержание научных практик о романе, актуальных и в наши дни, но и на долгое время станет, по сути, монопольной дефиницией, сугубо связанной с творческой личностью Льва Толстого, в исследованиях, посвященных изучению идейно-тематического своеобразия русской литературы. Лишь в конце прошлого века начнут появляться работы ученых-филологов, раскрывающих приоритетность «мысли семейной» в духовно-нравственном содержании всей национальной классики [Комар 2019; Снигирева, Подчиненов 2003; Шаповалова, Козлова 2024]. Новые исследовательские прочтения по большей части оппонируют твердо устоявшимся трактовкам классических текстов, где существуют свои монополии, с такими формулами, как «лишний человек», «маленький человек», «темное царство», «обломовщина» etc. В этих работах, если попросту говорить, подчеркивается, что все важнейшие общественные перемены начинаются и завершаются в семейном кругу, а сам институт семьи, воспользуемся эффектным определением философа Василия Розанова, – «самая *аристократическая* форма жизни» [Розанов 1916, с. 97; курсив автора – С. П.].

Современные концепции истории русской литературы убедительно свидетельствуют, что «мысль семейная» – одна из магистральных тем отечественной словесности, а ее значимость не случайна: семейные традиции, память о предках, уважение к истории рода служат важнейшими показателями нравственного, культурного уровня как отдельного человека, так и общества в целом. Акцент на «мысли семейной» чрезвычайно важен в школьном изучении русской литературы, где и должен быть задействован воспитательный потенциал национальной классики, способствующий духовному познанию учащихся высокой и исключительной роли семьи в жизни каждого человека, ее вневременной живой взаимосвязи с духовным содержанием жизни общества.

Произведения А.П. Гайдара в этом отношении, безусловно, служат благодатным художественным материалом, и не случайно, что семейной теме в его творчестве посвящено немало научных работ, особенно в последнее время. Важная роль в них принадлежит контекстуальному анализу, в ходе которого, в первую очередь, внимание ученых акцентируется на историческом и художественном контекстах гайда-

ровских произведений, среди которых в новейших прочтениях «лидерство» принадлежит рассказу «Чук и Гек» (при первой публикации в журнале «Красная новь», 1939, № 2 – «Телеграмма»). Показательным в данной связи видится тот факт, что в постсоветское время лишь это произведение привлекло внимание российского кинематографа («Чук и Гек. Большое приключение», 2022, режиссер А. Котт).

Несложно заметить, что в трудах современных литературоведов ценностное содержание исторического контекста гайдаровского рассказа, как правило, избирательно задано политическими маркерами, имеющими однозначное толкование.

Так, Л.А. Позднякова, называя братьев в гайдаровском рассказе «непримиримыми антагонистами», указывает, что «со старшим Чуком связан мотив коллекционирования. Коллекционирование в эпоху тоталитаризма считалось забавой. В полу-виртуальном мире своей коллекции коллекционер неизбежно становился диктатором. *Стремление к овеществлению человека пронизывает весь советский тоталитарный космос, воплощаясь полно в центральной его персоне. Сталин – главный коллекционер социалистической державы*» [Позднякова 2005, с. 67; здесь и далее курсив в цитатах наш. – С. П.]. Ф. Лекманов, характеризуя ролевые модели для ребенка, что стали «первостепенной задачей» детской советской литературы в 1930-е годы, и обращаясь к образу отца в рассказе «Чук и Гек», заявляет, что «путешественник-геолог ... – это один из множества “винтиков” советской машины» [Лекманов 2013]. По мнению В.А. Егорова, рассматривающего рассказ Гайдара в социально-политическом контексте, в нем «нет ничего индивидуально превалирующего, <...> дети подчинены матери, их мать – своему мужу, муж – работе, работа подчинена государству, а государство представляет бюрократически-репрессивный аппарат, который знает, что есть общее благо» [Егоров 2021, с. 121]. А вывод, который делает исследовательница О.И. Плешкова в своей статье, посвященной фольклорно-мифологическим элементам в рассказе «Чук и Гек», пожалуй, можно считать общим концептуальным посылом процитированных публикаций: «Не случайно известная гайдаровская сентенция о счастье (“Что такое счастье – это каждый понимал по-своему...”) возникает в финале новогодней сказки: семья счастлива, но счастлива в условном месте Советской страны, у несуществующих в жизни Синих гор, в лесу»; *«безмятежное семейное*

счастье в эпоху тоталитаризма возможно только в реконструированном, условном мире» [Плешкова 2005, с. 74–75].

Безусловно, актуализация такого контекста в произведении, написанном в конце 1938 года, что завершает в становлении советской государственности период, именуемый современной историографией временем «Большого террора» («ежовщины»), представляется вполне справедливой. Но, вместе с тем, недостаточной, поскольку подобная актуализация не дает (да и в принципе не может дать) многомерного, объективно ценностного понимания силовых линий большой и малой истории, определяющих авторское чувство времени.

Согласимся, что данный аспект художественного сознания Гайдара требует специального – глубокого и разностороннего – изучения. В рамках же заявленной темы мы хотим предложить ряд наблюдений, позволяющих в несколько ином свете, нежели в процитированных выше публикациях, представить содержание исторического контекста рассказа «Чук и Гек», придающего особое звучание в нем «мысли семейной». А начнем мы с «чужого» наблюдения.

И.С. Юхнова в работе, посвященной повести Гайдара «Тимур и его команда», дает образное и вместе с тем исключительно точное по самой сути определение исторического времени, отраженного в хронотопе произведения: *«Мир наэлектризован войной»* [Юхнова 2019, с. 128]. Симптоматичными в данном отношении являются экспликация и анализ нижегородским ученым «консолидирующего (собирающего) начала» в аксиологическом содержании повести как ее заглавной идеи [Юхнова 2019, с. 130]. Строго (и сухо) говоря, единство общества, в котором детскому социуму отведена значительная роль, и выступает у Гайдара надежным условием победы Советского государства в будущей войне.

Подчеркнем, что чувство неотвратимой угрозы большой войны зарождается в сознании Гайдара намного раньше, нежели эта война, развязанная фашистской Германией, заполыхает в Западной Европе. Одно из ярких свидетельств тому – начальный фрагмент очерка писателя, опубликованного в архангельской газете «Волна» 2 марта 1929 года: *«Тот год и день, когда напряженную тишину тысячеверстной западной границы разорвут первые залпы вражеских батарей, когда*

<...> вздрогнет миллионами сердец и загудит тысячами встревоженных фабричных гудков оторванный от мирного труда великий Советский Союз, – этот год и день и час не отмечен еще черной каемкой ни в одном из календарей земного шара. Но год этот будет, день возникнет и час придет» [Гайдар 1929].

Приведенный публицистический текст нельзя назвать пророческим, поскольку мысль о неизбежном столкновении первого в мире и пока еще единственного социалистического государства с империалистическими державами являлась одним из содержательных конструктов идеологического дискурса той поры, активно транслировалась в периодической печати, а также на многочисленных и многоялюдных митингах и собраниях. И «большинство современников Гайдара, – о чем убедительно пишет М.А. Литовская, анализируя тревогу в качестве ключевого понятия образа мира в прозе писателя, – ощущали 1920-30-е годы как кратковременную передышку между двумя большими “внешними” войнами» [Литовская 2017, с. 281].

Любопытны в этой связи записи в сохранившихся дневниках Гайдара. В них лаконичные пометы о событиях личной жизни перемежаются со столь же краткими пометами – с непременно коммен-тарием – о событиях, информация о которых почерпнута из периодической печати.

«Позавчера статья – “Колхозная торговля и политика цен”. Задача закупок – у кооперации нелегкая» [Гайдар 1956а, с. 532].

«В “Правде” передовая “За Родину” – это хорошо» [Гайдар 1956а, с. 536].

«Награждены орденами сельские учителя – это хорошо. Я люблю это племя» [Гайдар 1956а, с. 537].

Гайдар внимательно следит за тем, что происходит и в стране, и в мире, при этом особо выделяя военную повестку.

В июле 1939 года на Халхин-Голе начались кровопролитные боестолкновения между советскими войсками и Квантунской армией. Гайдар записывает в дневнике: «Вчера в газете: 120 японских самолетов перелетели границу. 95 советских приняли бой. 31 японский самолет был сбит – советских 12. Позже еще 60 самолетов, опять бой. Сбито японских 25, советских 2» [Гайдар 1956а, с. 541].

Обращает на себя внимание, как старательно Гайдар переносит из газеты в дневник статистику военного конфликта, словно пытаюсь

угадать, оценивая масштаб противостояния, наступил ли для Советской страны *тот год, тот день и тот час*.

Не меньшим основанием для таких тревожных раздумий являлись для Гайдара, в чем мы убеждены, и события второй половины 1938 года, когда и создавался рассказ «Чук и Гек». Судьба дневника писателя за этот год неизвестна, но, судя по записям 1939–1941 годов, в нем должны были отмечаться и летние бои на озере Хасан между РККА и Японской императорской армией, что завершились тяжело давшейся Красной Армии победой и отстранением командующего Дальневосточным фронтом В.К. Блюхера, с которым, кстати сказать, Гайдар был лично знаком [ДВ 2022, с. 29]. К тому же эти «неспокойные места» писатель хорошо знал: с 30 января по 10 сентября 1932 года он жил в Хабаровске и работал постоянным разъездным корреспондентом газеты «Тихоокеанская звезда». И еще одно событие наверняка отразилось бы на страницах его дневника. 29 сентября 1938 года было подписано Мюнхенское соглашение между Великобританией, Францией, нацистской Германией и Италией, которое больше известно под названием Мюнхенский сговор по разделу Чехословакии. Событие, предопределившее начало Второй мировой войны, широко освещалось в советской прессе: в каждом выпуске эта тема занимала половину одной из полос, и все настойчивее, без обиняков, звучала мысль о неотвратимости большой войны и необходимости подготовки к ней Советского Союза [Садретдинова, Скупченко 2019]. И то проницательное замечание, что завершает дневниковую запись Гайдара о боевых действиях на Халхин-Голе: «*Тревожно на свете, и добром дело, видать, не кончится*» [Гайдар 1956а, с. 541] – могло быть высказано и годом раньше.

Маркеры этого тревожного времени являются одним из важнейших элементов хронотопа гайдаровского рассказа «Чук и Гек» и его исторического контекста. Они – в бытовых деталях, как, например, «карандаш с наконечником из желтого патрона» [Гайдар 1956, с. 40], подаренного военным Чуку, и его же коллекция конфетных оберток, на которых «нарисован танк, самолет или красноармеец» [Гайдар 1956, с. 36], в удивительных способностях героев: мать Чука и Гека с трудом справляется с приготовлением зайца, но свободно обращается с оружием, впервые взяв его в руки («*Она зарядила ружье и выстрелила*» [Гайдар 1956, с. 58]), в развернутых, эмоционально

насыщенных картинах («А на одном разъезде бок о бок остановились они рядом с могучим железным *бронепоездом*. *Грозно торчали из башен укутанные брезентом орудия*» [Гайдар 1956, с. 42]), в визуализации детского подсознания (странный сон Гека, в котором он помогает одержать победу над врагами, что «волокут из дальних мест / *Кривой фашистский флаг и крест*» [Гайдар 1956, с. 46]).

Полная приключений поездка Чука и Гека с матерью в канун нового года к отцу – это внешняя сторона сюжета, организующего динамичную, последовательную цепь событий и во многом обеспечивающего занимательность повествования, но вместе с тем фокусирующего читательское зрение на духовном смысле рассказанной истории.

Обратим внимание на одну примечательную особенность, с которой начинается рассказ, – так сказать, изначальную диспозицию героев в повествовании. Два озорных брата, дошкольника, целыми днями предоставлены сами себе, находятся без присмотра взрослых. Мама мальчиков появляется дома только вечером. Папа живет далеко от Москвы, у Синих гор, много работает, и ему нельзя уехать домой в отпуск. То есть семья находится, образно говоря, в расколотом состоянии. Заметим, что сходное состояние, акцентированное автором в начале повествования и преодолеваемое в финале, характерно и для других – поздних – произведений Гайдара: «Голубой чашки» (1936), «Судьбы барабанщика» (1938), «Тимура и его команды» (1940), в которых «мысль семейная», по сравнению с произведениями, созданными писателем на рубеже 1920–1930-х годов, как справедливо отмечает О.С. Октябрьская, звучала «наиболее ярко и полно» [Октябрьская 2018, с. 254].

Дорога к Синим горам из Москвы в рассказе «Чук и Гек» – это желанный путь к воссоединению семьи, наполненный приключениями и испытаниями. Путешествие, как и вся история, рассказанная писателем, лишь кажется сказочным, как, к примеру, чудится Геку, что к избушке ночью подходит злобный медведь, чтобы всех «сожрать» и не допустить встречи с отцом, а на самом деле это мирная лошадь, которая, наоборот, везет семью Серегиных на встречу с отцом-геологом.

Сказовая форма повествования Гайдара словно бы растворяет в себе элементы сказочного нарратива [Минералова, Михеенко 2018], не разрушая при этом реалистичной достоверности изображенного в

рассказе мира. Так, дальняя дорога из Москвы до Синих гор имеет свое совсем не сказочное измерение – и по видам транспорта (поезд, сани), и по протяженности маршрута – 2100 километров: «Туда ехать тысячу и еще тысячу километров поездом» [Гайдар 1956, с. 35]; «мать <...> пошла к ямщикам узнавать, какие за ними отец прислал сани, потому что до того места, где он жил, оставалось ехать еще километров сто тайгою» [Гайдар 1956, с. 42].

Топоним «Синие горы» мы воспринимаем как явный поэтизм, ассоциативно связанный с местом, где похоронен сказочный герой Гайдара Мальчиш-Кибальчиш, – с берегом Синей реки. А стало быть, здесь неминуемо перемещение героев рассказа из реального пространства, маркированного топосом Москвы, в мифологическое, сказочное. Однако Синие горы (или Синегорье) – это реально существующий топос, лесистый горный массив на Урале, где, как известно, в течение двух лет работал журналистом Аркадий Гайдар. И зимняя дорога длиной в 2100 километров – сначала поездом, а затем на санях – как раз и соединяет Москву и Синие горы.

Эпизод с таинственным исчезновением Гека потенциально служит началом рождения в повествовании сказочного мотива о чудесном избавлении героя от вмешательства в его жизнь потусторонних сил. Только вот такого чуда не происходит: мирно спящего в сундуке мальчика, не сумевшего до конца довести свою шутку, находит, анализируя об этом ленивым гавканьем, охотничья собака. Возможное сказочное действие, не успев начаться, превращается, никак не сказочным образом, в бытовую драматичную сцену, где шалость Гека раз облачается природным чутьем степенного пса, по кличке Смелый.

Нет в светлом завершении гайдаровского рассказа никакого сказочного волшебства, в которое, кстати сказать, не верят Чук и Гек, твердо зная, что «*волшебники бывают в разных историях и сказках*», а не «*на самом деле*» [Гайдар 1956, с. 55]. Нет и реконструированного по фольклорно-мифологическим лекалам условного мира, в котором только и возможно семейное счастье «*в эпоху тоталитаризма*».

Мир, изображенный писателем, реалистичен, естественен и в высшей степени органичен, что во многом достигается особым положением в структуре повествования рассказчика, свободно и почти неуловимо синтезирующего различные модусы художественности. Так, в финале автор декларирует нравственно-философскую максиму

о счастье не как сторонний наблюдатель, а как один из полноправных участников новогоднего торжества в лесу у Синих гор, кто, как и все, затаив дыхание слушал «хорошую» песню Гека.

Рассказчик не случайно признается в том, что не помнит, какая это была песня, фокусируя внимание читателя на ее эмоциональной оценке, которую разделяют все слушатели. Таким образом актуализируется праздничная атмосфера единения в комнате геолога Серегина, преображенной – и в бытовом, и в сакральном смысле – с приездом его семьи. Затем локус комнаты в повествовании, сохраняя эту атмосферу, сменяется изображением пространства, что, по сути, не имеет никаких пределов: «...Слушали люди *и в городах, и в горах, в степях, в тайге, на синем море*» [Гайдар 1956, с. 66]. А новым аудиальным знаком единения социума, соответствующего такому пространству и словно бы «выросшего» из семейного новогоднего застолья, становится звон «золотых кремлевских часов», преемственно замещающий «хорошую» песню Гека.

Эту панорамную картину завершает монументальное изображение «*задумчивого командира бронепоезда*», которое повторно возникает в тексте рассказа. В первый раз этот образ дан сквозь призму детского сознания. И, собственно, Чук с Гekom «назначают» увиденного ими на железнодорожном разъезде «человека в кожанке» командиром бронепоезда, который, как они единодушно считают, «стоит и ожидает, не придет ли приказ от Ворошилова открыть против врагов бой» [Гайдар 1956, с. 42]. Такая детская фантазия в повествовании выглядит отнюдь не случайной: для мальчиков поездка к отцу, человеку мирной профессии, сродни военному походу, готовясь к которому «Чук смастерил себе *кинжал* из кухонного ножа, а Гек разыскал себе гладкую палку, забил в нее гвоздь, и получилась *ника...*» [Гайдар 1956, с. 35]. И вполне естественным предстает в рассказе тот факт, что дети, еще не умеющие читать, между тем знают, кто такой Ворошилов.

В заключительной части рассказа детская фантазия становится элементом реалистического мировидения автора, где детская игра и реальность практически уравниваются в своих правах. Но все это не привносит в повествование ощущения тревоги. Наоборот, тем самым утверждается вера в несокрушимость Красной Армии, «*неутомимо*» стоящей на страже Родины и готовой дать отпор любому врагу, как и

уверенность в том, что в Советской стране *«подрастает такое поколение, которое поражений знать не может и не будет»* [Гайдар 1955, с. 419].

Заключительная фраза о счастье не является авторитарным словом рассказчика; оно ему полностью и не принадлежит, возникая и утверждаясь в речевом мире текста как идея соборного сознания (*«...все вместе люди знали и понимали...»*), высказывание которой лишь доверено рассказчику.

С событием воссоединения семьи Серегиных в повествование входит тема единства общества и государства, единства, основанием которого служат простые, лишенные парадной риторики условия: *«...надо честно жить, много трудиться и крепко любить и беречь эту огромную счастливую землю, которая зовется Советской страной»* [Гайдар 1956, с. 66].

В художественном сознании Гайдара, жившего в предощущении большой войны, *мысль семейная* неразрывно связана с *мыслью государственной*, что во многом является для писателя залогом духовной крепости советского народа, способного выстоять в неминуемой кровопролитной схватке с сильным врагом.

Источники

Гайдар 1929 – Гайдар А.П. В тот день // Волна. 1929. № 50. 2 марта.

Гайдар 1955 – Гайдар А.П. Собрание сочинений в четырех томах. Т. 2. М., 1955.

Гайдар 1956 – Гайдар А.П. Собрание сочинений в четырех томах. Т. 3. М., 1956.

Гайдар 1956a – Гайдар А.П. Собрание сочинений в четырех томах. Т. 4. М., 1956.

ДВ 2022 – Гайдар на Дальнем Востоке: сборник материалов о дальневосточном периоде жизни писателя / сост. А.В. Нистратова. Изд. 2-ое, дополн. и переработ. Хабаровск, 2022.

Розанов 1916 – Розанов В.В. Уединенное. Изд. 2-ое. Пг, 1916.

Толстая 1978 – Толстая С.А. Дневники. В 2 т. Т. 1. М., 1978.

Литература

Егоров 2021 – Егоров В.А. «Чук и Гек» Аркадия Гайдара – Рем и Ромул новой эпохи между дисциплинарным обществом и обществом контроля // *Terra Aestheticae*. 2021. № 1(7). С. 112–127.

Комар 2019 – Комар Н.Г. «Мысль семейная» в комедии А.С. Грибоедова «Горе от ума» // Ученые записки Новгородского государственного университета.

2019. № 2(20). URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=38583275> (дата обращения: 16.09.2024).

Лекманов 2013 – Лекманов Ф. «Чук и Гек» А.П. Гайдара в контексте детской советской литературы второй половины 1930-х гг. // Сборник научных работ молодых филологов. Тарту: Отделение славянской филологии Тартуского университета, 2013. URL: https://ruthenia.ru/rus_fil/xxiv/Lekmanov.pdf (дата обращения 26.09.2024).

Литовская 2004 – Литовская М.А. Тревога как ключевое понятие образа мира в прозе Гайдара // Аркадий Гайдар в современной школе: книга для учителя. Арзамас: Арзамасский филиал ННГУ, 2017. С. 277–285.

Минералова, Михеенко 2018 – Минералова И.Г., Михеенко Я.С. Жанр нового детского рассказа и финал произведения во внутренней форме целого // Аркадий Гайдар и круг детского и юношеского чтения: Сб. статей XVII Всероссийской научно-практической конференции. Арзамас: Арзамасский филиал ННГУ, 2018. С. 19–24.

Октябрьская 2018 – Октябрьская О.С. «Мысль семейная» в рассказах А.П. Гайдара «Чук и Гек» и «Голубая чашка» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2018. № 4(82). Ч. 2. С. 253–256.

Плешкова 2005 – Плешкова О.И. Фольклорно-мифологические элементы в рассказе А. П. Гайдара «Чук и Гек» // Культура и текст. 2005. № 8. С. 70–76.

Позднякова 2005 – Позднякова Л.А. Мифологема семьи в рассказе А.П. Гайдара «Чук и Гек» // Культура и текст. 2005. № 8. С. 66–70.

Садретдинова, Скупченко 2019 – Садретдинова А.Ф., Скупченко А.Н. Мюнхенские соглашения в советской и российской прессе: 1938 и 2018 г. // Мюнхен–38 в массмедиа разных стран: сборник статей. М., 2019. С. 51–55.

Снигирева, Подчиненов 2003 – Снигирева Т.А., Подчиненов А.В. «Мысль семейная» в русской литературе XIX–XX вв. // Судьба России: национальная идея и ее исторические модификации. Доклады Пятой Всероссийской конференции: Екатеринбург, 14–15 октября 2003 г. Екатеринбург: УрГУ, 2003. С. 133–148.

Шаповалова, Козлова 2024 – Шаповалова Ю.С., Козлова Г.А. «Мысль семейная» в русской литературе XVIII–XIX веков // Вестник науки. 2024. № 4(73). Том 4. С. 421–426.

Юхнова 2019 – Юхнова И.С. Ценностные ориентиры героев А.П. Гайдара («Тимур и его команда») // Филологический класс. 2019. № 2 (56). С. 126–131.

"FAMILY IDEA" AND ITS HISTORICAL CONTEXT IN A.P. GAIDAR'S SHORT STORY "CHUK AND GEK"

Sergey N. Pyatkin

Arzamas branch

of N.I. Lobachevsky National Research Nizhny Novgorod State University

The article examines the features of artistic representation of the main theme of Russian literature, "family idea" and its relationship with historical
52

time in the story "Chuk and Gek" by A.P. Gaidar (1904–1941). The author gives a critical review of the latest scientific receptions of this story, in which the family theme is considered in a historical context, selectively determined by political markers, which leads to the perception of the work as a utopian literary project. The article offers a contextual analysis of the story "Chuk and Gek", where the military theme (events of big and small history) comes to the foreground, which is associated with all of Gaidar's works and which makes a significant impact in the content of the text in vivid and expressive details. It is shown how Gaidar's fairy tale form of narration dissolves elements of a fairy tale narrative without destroying the realistic authenticity of the depicted world of the story. It is claimed that in the story "Chuk and Gek", as in many of Gaidar's later works, imbued with a premonition of a great war, "family idea" is inextricably linked with "state idea".

Keywords: Gaidar, "Chuk and Gek", context, war, family idea, state idea, chronotope.